

На правах рукописи

МЕРЕТУКОВА Мариета Муратовна

**ЖАНРОВЫЕ ИНВАРИАНТЫ И
ПОЭТИКА «РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ПРОЗЫ»**
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУР)

Специальность 10. 01. 08. – Теория литературы. Текстология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Краснодар

2017

Работа выполнена на кафедре литературы и журналистики
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Напцок Бэлла Радиславовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент, профессор
кафедры языкознания и литературоведения
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова»
Савельев Константин Николаевич

доктор филологических наук, профессор
кафедры отечественной и мировой литературы
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
Останкович Анатолий Вячеславович

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева»

Защита диссертации состоится «07» октября 2017 года в ____ часов на заседании
диссертационного совета Д. 212. 101. 04 по филологическим наукам при Кубанском
государственном университете по адресу:

350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, 7, ауд. 309

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского
государственного университета по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149,
и на сайте ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»:
<http://docspace.kubsu.ru/docspace/handle/1/1050>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

доктор филологических наук, доцент

Р.В. Патюкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Духовная и литературная традиции рождественской прозы сформировались на основе традиций, обычаев и атрибутики большого религиозного праздника – Рождества Христова. В результате синтеза христианского мифа и архаической модели обрядовых игр в Европе сначала возникла средневековая драма, а затем появились новые жанровые формы – миракль, моралите, драматическая пантомима, оказавшие значительное влияние на формирование рождественской поэтики. Со временем начинают преобладать светские традиции и мотивы и происходит вхождение поэтики фольклорной сказки в рождественский жанр.

Последовательная трансформация, происшедшая в англоязычной литературе в XVIII – XIX веках, свидетельствует о наступлении нового этапа в историко-эволюционном развитии жанровых форм рождественской прозы. Становление жанра очерка, который инициировал процесс формирования «рождественского» текста в Англии XVIII – XIX вв., связано с именами известных журналистов и писателей – Д. Аддисона и Р. Стила. Периодом расцвета рождественского жанра в Европе стала вторая половина XIX в., к которой относится публикация цикла Ч. Диккенса «Рождественские книги» («повести») (*“The Christmas Books”*, 1843 – 1848). Значительный творческий вклад в развитие малых рождественских жанров вносят англоязычные писатели В. Ирвинг, В. Скотт, У.М. Теккерей и У.У. Коллинз.

Утвердившиеся в литературе XVIII – XIX вв. рождественские жанры – очерк, рассказ и повесть – были обращены уже не к религиозной тематике, а к темам светским и социальным. Благодаря Ч. Диккенсу-реалисту, была представлена идея – вера в обязательное свершение житийного чуда, которая легла в основу национальной «рождественской философии».

В русской литературе тема Рождества популяризовалась в 1840-е гг. под влиянием переводных тестов Ч. Диккенса. Традиции рождественской прозы получили развитие в творчестве русских писателей второй половины XIX века – начала XX вв. – Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, Ф.М. Достоевского, А.И. Куприна, Л.Н. Андреева, А.П. Чехова и др. Общими признаками, позволяющими говорить о типологической принадлежности русских текстов к рождественской прозе, являются вечные темы милосердия, любви, сострадания, доброты, надежды, которые являются смысловым и идейным ядром классического рождественского текста.

Рождественские жанры получили в русской прозе специфические интерпретации, обусловленные своеобразием национальной христианской культуры и ментальности. В контексте проблемы определения специфики жанровых инвариантов актуален вопрос о терминологии. В литературоведении происходит смешение в трактовке определений «рождественская» и «святочная» проза, которые рассматриваются как синонимичные понятия. В основе рождественского рассказа как прецедентной жанровой формы лежит идея исправления мирового зла, социальной несправедливости или человеческой натуры посредством чуда. В свою очередь, в святочном рассказе присутствуют мистические, чудесные явления, которые иллюстрируют божественную суть Святок как религиозный праздник.

Актуальность исследования обусловлена теоретико- и историко-литературными причинами: неразработанностью теоретических вопросов, касающихся проблем жанровой специфики и поэтики рождественской прозы; терминологической неопределенностью в идентификации жанровых инвариантов английской и русской литератур; дискуссионностью подходов к анализу идейно-художественной специфики жанрового национального инварианта – русского рождественского рассказа, а также актуальностью вопроса о взаимодействии английского и русского рождественского рассказов в контексте проблем литературных связей.

Объект исследования – теоретические аспекты генезиса рождественских жанров, развития жанровых инвариантов рождественской прозы и ее поэтики в английской и русской

литературах XIX – начала XX века на материале «Рождественских повестей» Ч. Диккенса, рассказов У.У. Коллинза («Украденная маска, или Шкатулка мистера Рея», «Очки дьявола»), «Рождественских рассказов» У.М. Теккерея, рассказов Л.Н. Андреева («Ангелочек»), Ф.М. Достоевского («Мальчик у Христа на ёлке»), А.И. Куприна («Гапер», «Чудесный доктор»), Н.Д. Телешова («Ёлка Митрича»), А.П. Чехова («Ванька») и др.

Предмет исследования – жанры и поэтика «рождественской прозы», специфические черты национальных жанровых инвариантов на материале текстов английской и русской литератур XIX – начала XX века.

Цель диссертационной работы – на основе теоретико-литературной позиции представить анализ жанровых инвариантов и поэтики рождественской прозы (на материале английской и русской рождественской прозы второй половины XIX – начала XX века).

Данная исследовательская цель достигается путем решения следующих **задач**:

- исследовать генезис и этапы формирования рождественских жанров в западноевропейской духовной и литературной традициях;
- определить специфику жанров рождественской прозы (на материале английской и русской литератур);
- изучить процесс рецепции рождественской традиции в малых жанрах английской литературы XIX в. – “*story*”, “*tale*”, “*sketch*”, “*short story*”, “*history*”, “*carol*”;
- проанализировать типологию рождественских образов и сюжетно-композиционные компоненты (на материале «Рождественских повестей» Ч. Диккенса);
- исследовать авторские интерпретации рождественской поэтики (на материале англоязычных рождественских текстов В. Ирвинга У.У. Коллинза и У.М. Теккерея);
- рассмотреть теоретические подходы к исследованию художественного феномена рождественских литературных архетипов;
- раскрыть смысловую и структурную роль рождественского архетипа (на материале английской рождественской прозы XIX века);
- дать целостное описание жанровых инвариантов святочного и рождественского рассказов (на материале русской прозы XIX – начала XX вв.);
- выявить типологически сходные жанровые признаки английского и русского рождественского рассказов на уровне поэтики, сюжетостроения, идейно-художественного уровня и архетипических образов (на материале произведений Ч. Диккенса и Н.С. Лескова);
- раскрыть идейно-художественное своеобразие прецедентных текстов русской рождественской прозы;
- установить основные модификации рождественских архетипов и мотивов (на материале русской литературы XIX века).

Теоретическую базу диссертационной работы составляют теоретико-литературные труды М.М. Бахтина, Е.М. Мелетинского, Ю.М. Лотмана, С.С. Аверинцева, М.Л. Андреева, И.А. Есаулова, Т.Н. Козиной, Н.П. Михальской, посвященные проблемам теории и истории литературы, вопросам поэтики и жанрологии, исследования зарубежных и отечественных ученых Х. Барана, Дж. Кэмпбелла, Э. Ноймана, М. Бодкин, Б. Мэтьюса, З.В. Антоновой, М.И. Бондаренко, О.Н. Колоса, А.Х. Гольденберга, Н.И. Еремкиной, Е.В. Скобелевой и др. по проблемам европейской, английской, русской литератур.

Методологическая основа диссертационного исследования обеспечивается опорой на основные методы исследования: историко-генетический, историко-культурный, мифологический, типологический, теоретического целостного анализа художественного текста и рецептивной поэтики, системно-структурный, компаративный, сравнительно-типологический.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что впервые проводится комплексный литературоведческий анализ жанровой и идейно-художественной специфики рождественского рассказа на основе исследования линий взаимодействия прототипа (английской литературной формы) и инварианта (русского рождественского рассказа).

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Рождественские жанры возникли в результате синтеза христианского мифа, породившего литургическую драму, и архаической модели обрядовых игр. Источники рождественской традиции выявляются в средневековых литургической и полулитургической драмах, в драматических жанрах городской средневековой литературы – мистерии, фарсе, моралите и миракле, в английской волшебной сказке, в рождественских пантомиме, гимне, очерке.

2. Литературным прототипом рождественского жанра, получившим широкое распространение, стали «Рождественские повести» Ч. Диккенса. Принадлежность к жанровому инварианту рождественской прозы определяется рядом текстовых феноменов: темпоральным фактором, т. е. приуроченностью событий к периоду святочного цикла – от Рождества до Нового года; сюжетным центром, представленным рождественским чудом; взаимодействием реальных и фантастических образов; влиянием традиций готического романа и просветительской и романтической прозы; комизмом повествования; бытовой детализацией; перерождением характеров; незавершенностью, открытостью сюжета.

3. Популяризация рождественских произведений была связана с журнальным процессом в Великобритании. Большинство текстов публиковалось в тематических выпусках журналов Ч. Диккенса «Домашнее чтение» и «Круглый год», в создании которых был использован опыт популярных изданий XVIII века – «Болтуна» и «Зрителя» Д. Аддисона и Р. Стила. Инициация процесса формирования «рождественских» текстов в России связана с развитием периодической печати, жанра очерка и с появлением переводов произведений Ч. Диккенса. Цикличность выхода рождественских произведений содействовала развитию рождественской эстетики.

4. Выявление инвариантной специфики жанровых форм святочного и рождественского рассказов возможно лишь в контексте истории развития западноевропейской и русской литературы, культуры и религии. На основании этого мы считаем рождественскую и святочную жанровые формы инвариантами календарной литературы, не смешивая их определения и не трактуя их синонимично.

5. В большинстве рождественских текстов образуется архетипический комплекс, в котором формируются черты национального сознания и ментальности. Наиболее репрезентативным из архетипов в контексте нашей проблематики представляется христианский пасхальный архетип (И.А. Есаулов). Жанровая модификационность русской рождественской прозы ярче всего проявляется на архетипическом уровне.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обнаруживается в результатах и выводах, которые помогут внести терминологическую ясность при рассмотрении жанровых форм английского и русского рождественского рассказов. Впервые выявляются специфические жанрообразующие черты рождественских текстов, которые могут быть идентифицированы с жанром рассказа. В работе научно описаны характерные свойства русского рождественского рассказа на уровне идейно-мировоззренческой, структурной и художественной специфики, позволяющие в нем определить инварианты жанров календарной литературы и святочного текста. Исследование рождественского архетипа вносит новые коннотации в его мифопоэтическое наполнение.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы для дальнейшего исследования жанровых инвариантов рождественской прозы, развивающихся в современной литературе, а также для теоретико-литературного анализа и систематизации национальных специфических черт рождественских архетипических образов. Материалы диссертации могут быть использованы при чтении вузовских лекционных курсов по введению в литературоведение, теории литературы, по истории зарубежной литературы Средних веков, XVIII – XIX вв., истории английской литературы XVIII – XIX вв., истории русской литературы XIX – XX вв.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования, выносимые на защиту, были представлены в докладах на международных научно-практических

конференциях – «Развитие гуманитарных наук» в г. Познани (Польша, 2012), «Наука. Образование. Молодежь» в г. Майкопе (2010, 2011), «Научное исследование и их практическое применение. Современное состояние и пути развития» в г. Одессе (Украина, 2011), «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации» в г. Майкопе (2012, 2013, 2014, 2015, 2016), «Образование и наука: современное состояние и перспективы развития» в г. Тамбове (2014), «Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций» в г. Праге (Чехия, 2016), «Наука и практика: новый уровень интеграции в современном мире» в г. Шеффилде (Англия, 2017).

Диссертация обсуждалась на кафедре истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета, на кафедре литературы и журналистики Адыгейского государственного университета. Различные аспекты проблематики диссертационного исследования нашли отражение в 19 научных работах, в том числе 5 в изданиях, входящих в перечень ВАК.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех исследовательских глав, заключения и библиографического списка. Библиография включает 209 наименований, из них на иностранных языках – 22 источника. Общий объем диссертации составляет 206 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во Введении установлены квалификационные позиции исследования, представлен обзор научно-критической литературы, выявляется степень изученности темы исследования, обосновываются актуальность и новизна, формулируются его цель и задачи, выдвигаются теоретические положения, выносимые на защиту, характеризуются теоретико-методологические принципы исследования, мотивируется теоретическая и практическая значимость полученных результатов.

В первой главе «Генезис и развитие рождественской прозы», состоящей из двух параграфов, исследуется происхождение «рождественской прозы» и определяется специфика ее жанров на материале английской и русской литератур XIX – начала XX века.

Рождественские жанры имеют в европейской литературе давние традиции, источники которых выявляются в средневековой драме, имевшей фольклорное начало и религиозное происхождение. Одной из ранних форм европейской драмы была литургическая драма, которая зародилась в IX веке из диалогизированного переложения евангельского текста. В развитии жанра литургической драмы были определены два основных цикла, связанные с религиозными календарными датами – рождественский цикл, посвященный рождению Христа, и пасхальный, инсценирующий его воскресение.

С середины XII века на смену литургической драме приходит полулитургическая, или «драма на паперти», материалом для которой стали библейские сюжеты, подвергнутые бытовой интерпретации. С возникновением в драме нового толкования Библии исчезает строгое разделение на рождественские и пасхальные сюжеты. Вместо латыни в драматических представлениях используются народные языки, религиозные сюжеты начинают активно переплетаться со светскими. Позже на смену полулитургической драме придут драматические жанры городской средневековой литературы – мистерия, фарс, моралите и миракль.

Жанр средневековой драмы отличают признаки, получившие дальнейшее развитие в рождественской литературе:

- в основе сюжетостроения и картины мира лежит миф или ритуал, или их общность, единство, первобытный синкретизм (по терминологии А.Н. Веселовского). Данная точка зрения получает развитие в концепции М.Л. Андреева, по мнению которого рождение европейской драмы в Средние века обусловлено специфическими обстоятельствами «встречи» библейского текста, христианского мифа и языческого ритуала;

- для средневековой картины мира характерна теоцентрическая модель мира, в центре которой находится Бог;

- специфический хронотоп обусловлен мифопоэтическим сознанием средневекового человека, в котором главенствующую роль играют образы мифа и ритуала, служащие моделью поведения и восприятия окружающего. Во времени и пространстве сосуществуют реальные люди и inferнальные существа;

- часто в структуру календарного рассказа входит элемент фантастики, который связан со страхом средневекового человека перед вечной гибелью, смешанным с надеждой о спасении путем искупления грехов. В более поздней традиции, в которой медиевисты находили реалистические тенденции, существенное место заняли светские и социальные темы;

- средневековая драма заложила основы рождественского жанра в плане активного использования машинерии, декораций для придания большей зрелищности, особенно в сюжетах, в которых изображались рай или ад. Появляются персонажи, которые станут типическими для рождественской литературы – черти, шуты, чудаки, неудачники;

- формируется главная идея рождественской литературы – обязательное свершение житийного чуда, волшебства.

Поднимая вопрос о генезисе и фольклорном начале рождественского жанра, нельзя не отметить роль смеховой культуры европейского карнавала, оказавшего особое влияние на концепцию празднования Рождества. Известно, что одним из его элементов был языческий обряд ряженья, распространенный во многих праздниках, затем реализованный в период празднования Святков в канун Рождества. С помощью «ряженных» и театрализованных постановок христианская церковь доносила до народа библейские истории.

На разнообразные проявления народного творчества, вошедшие в традицию рождественской литературы, обратил внимание М.М. Бахтин в работе «Франсуа Рабле и смеховая культура Средневековья и Ренессанса». Он отметил явления, аналогичные пародиям на священные тексты и литургические службы (*“parodia sacra”*): пародийные молитвы, проповеди, житийные легенды, рождественские песни и др.

Еще во времена Средневековья в состав традиционных рождественских жанров вошла английская рождественская пантомима, которая уже в XVIII в. переняла у предшествующих ей драматических жанров приемы перевоплощения, метаморфозы и перерождения, генетически связанные с мотивами рождения, смерти и возрождения. В пантомиме окончательно складывается основная особенность английского рождественского жанра: преобладание светских традиций и мотивов. В этом жанре происходит соединение празднования Рождества со сказочными мотивами, что привело к синтезу рождественского жанра и поэтики волшебной сказки. Под влиянием пантомимы формируется важнейшая составляющая рождественского жанра – реалистический подход к изображению действительности.

С появлением английской рождественской пантомимы связано развитие жанра рождественского очерка, ставшего ключевым звеном при формировании рождественского текста в Англии XVIII – XIX вв. Популяризация данного жанра связана со формированием журналистики в Великобритании, т. к. основной вклад в его становление и развитие внесли английские журналисты, писатели и редакторы журналов «Болтун» (*“The Tatler”*), «Зритель» (*“The Spectator”*) и «Опекун» (*“The Guardian”*) – Д. Аддисон и Р. Стил. В этих популярных британских изданиях были опубликованы серии очерков, приуроченные к Рождеству и включающие истории с привидениями, призраками и чудесами.

На структуру и поэтику рождественской литературы оказала влияние английская волшебная сказка, в которой была разработана общая нарративная структура повествования, включающая генеральную идею борьбы добра со злом, разработку национального характера, фантастические элементы, inferнальных персонажей, сверхъестественные явления и ряд художественных приемов организации текстового хронотопа.

XVIII – XIX века вошли в историю английской литературы как периоды последовательной трансформации малой прозы, благодаря чему возникли новые жанры, в частности рождественские очерк, рассказ, повесть, что свидетельствовало о наступлении

нового этапа в историко-эволюционном развитии прозаических жанровых форм. Наиболее яркое художественное воплощение рождественские рассказы и повести в Англии нашли в произведениях Д. Аддисона, Р. Стила, Ч. Диккенса, У.М. Теккерея и У.У. Коллинза.

Благодаря тому, что рождественские тексты получили в Англии широкую популярность, Рождество в этой стране приобрело характер национального праздника, имевшего кроме религиозного еще и светское значение. Ритуальное содержание всеобщего празднества дополнилось социально-нравственной идеей, способствующей объединению нации, – культом семейного торжества.

В английской прозе XIX в. рождественские жанры были представлены малыми формами, не имевшими к тому времени четкой жанровой идентификации. Ч. Диккенс, а вслед за ним и У.М. Теккерей называют свои циклы «Рождественскими книгами» – *“The Christmas Books”*.

Слово *“book”* («книга»), вынесенное в заглавие цикла, не используется в литературоведении в качестве дефиниции жанровой формы, но может характеризовать в жанровом отношении все тексты, в него входящие, и имеет относительно нейтральную окраску, т. к. соотносится с формальным, а не с содержательным аспектом. Однако под этим определением, очевидно, авторами подразумевался жанр рассказа *“story”*, который еще в это время не обрел свою завершенность и подчас воспринимался как побочный творческий продукт. Лишь в 1880-х годах в западной филологии жанр рассказа получил свое литературоведческое описание и его вычленили среди других форм эпической жанровой иерархии. Вместе с тем в XIX веке в научном обиходе англоязычных литературоведов появилось множество понятий жанров малой прозы – *“story”*, *“short story”*, *“long short story”*, *“novella”*, *“tale”*, *“sketch”*, *“history”*, которые не получили четких терминологических определений и долгое время использовались в качестве синонимичных понятий.

Не имея четкого определения малых жанров, Ч. Диккенс выработал концепцию рождественского жанра как подвижной жанровой модели, в которой активно развивались вариативные номинации и синтезировались структурные элементы различных жанров. Характерными чертами рассказов Ч. Диккенса, написанных в новой манере, становятся следующие: продолжение и развитие традиций дидактических и нравоописательных рассказов английских просветителей и романтиков; следование принципам очерковой характеристики героев и социума, невнимание к вопросам эволюции характера личности на фоне социального конфликта; статичность характеров; документальность изображения; акцентирование бытовых деталей; внесение в повествование элементов смеховой культуры (юмор, сатира, пародия и др.); открытый финал; традиционная структура классического повествовательного сюжета (отсутствие интриги и острого конфликта).

Очевидно, что структура повестей рождественского цикла Ч. Диккенса восходит к традициям фольклора, а именно, к жанру сказки. По аналогии с построением сказки в текстах Диккенса достаточно четко выделяются основные структурные компоненты текста: зачин, основная часть и концовка, в которой, по законам жанра происходит развязка «сказочного механизма»,двигающего все повествование.

Причины обращения Диккенса к сказочной форме кроются в его интересе к теме социального зла, и в то же время – в понимании невозможности разрешить конфликт между добром и злом, бедностью и богатством в пределах реальной действительности и с помощью инструментов существующего общественного устройства. Этот мировоззренческий конфликт писателя, связанный с реалистическим видением окружающего мира и мечтой о справедливости, имеющей романтические корни, реализуется в его художественном мире в амбивалентной форме – в сюжете сочетаются реалистические проблемы и фантастические или утопические коллизии и образы, разрешение конфликта имеет чудесный характер.

Исследуя сказочные компоненты «Рождественских повестей» Ч. Диккенса, литературоведы В.В. Ивашева и Н.П. Михальская констатировали их недостаточную самостоятельность и указали на служебную роль сказочных приемов и образов. Данные точки зрения на жанровую и содержательную специфику диккенсовского рождественского цикла

нам представляются справедливыми, так как они позволяют выявить игровой механизм в идиостиле писателя и в его жанровом новаторстве. Вторичность сказочного наполнения произведений не является их недостатком и вполне соответствует художественной идее – для автора первично обличение социального зла во всей его реалистичности, а сказочные элементы становятся фоном и способом разрешения конфликта, т. к. автор не видит объективных способов его разрешения.

Можно констатировать, что в исследуемой жанровой форме – рождественском тексте Ч. Диккенса – в подтексте заложен механизм игры. Выбранный писателем жанр – инвариант сказочного рассказа/повести – служит прикрытием постановки реалистических социальных проблем.

Анализ жанровых и художественных особенностей «Рождественских повестей» Ч. Диккенса дает нам возможность интерпретировать эти произведения в качестве образца единого жанра – рождественского рассказа, который сформировался именно в рамках данного цикла. При этом следует принимать во внимание наличие существенного пласта элементов английской фольклорной сказки.

Диккенс органично соединяет фольклорные и литературные традиционные элементы с художественными новациями, тем самым открывая новые возможности малой жанровой формы. Благодаря ему жанры рассказа и повести обрели статус качественной литературы, имеющей те же достоинства, что роман и драма. В сюжете рождественских повестей появляется новый предмет описания – жизнь бедных слоев Лондона, автор не скрывает своих мыслей, вступая в диалоги с читателем. При этом сохраняется диккенсовская манера, которой свойственны нравоучительность и морализаторство. Идея о непременной гибели зла, его трансформации в свою противоположность – добро, а также о вознаграждении за беды и страдания не только транслируется через текст, но и прямо декларируется в постпозиции.

Устойчивыми признаками рождественского рассказа Ч. Диккенса становятся также следование сложившимся в английской литературе традициям готического романа и дидактического и нравоописательного рассказа просветителей и романтиков; обретение рассказом эстетической значимости; комический колорит повествования; интерес к бытовой детали; перерождение характеров; незавершенность, открытость сюжета.

Растущая популярность рождественских повестей и рассказов в Англии способствовала появлению своего рода литературной моды на них. Обширный круг читателей был увлечен новым жанром с оригинальным содержанием. Читательский спрос породил широкое распространение «рождественской» прозы разного художественного уровня. Позже, сюжеты произведений начали повторяться, образуя сюжетные и художественные штампы. Вслед за Ч. Диккенсом к рождественскому жанру обратились У.М. Теккерей, У.У. Коллинз и другие писатели, которые оказали влияние на жанровую специфику рождественского рассказа и значительно расширили его изобразительные возможности.

Важное место в развитии рождественской прозы занимают пародии У.М. Теккерей на диккенсовские рождественские тексты, которые вошли в сборник, не случайно имеющий то же, что и у Диккенса, название – «Рождественские книги» (*“The Christmas Books”*).

У.М. Теккерей отходит от традиционной структуры народных сказок, оставив только ее некоторые элементы. Открыто высмеивая идейную сущность рождественских произведений писателей викторианской эпохи, Теккерей использовал приемы сатирической пародии. Вместе с тем, он привнес в жанр рождественского рассказа юмористические элементы, на основе чего можно говорить не о «чистой» сатирической пародии, а о комическом подражании оригиналу. Следует отметить, что пародийная поэтика, в свою очередь, оказала влияние на жанровую специфику рассказа в плане расширения и обогащения его изобразительных возможностей (сказка Теккерей «Кольцо и роза»).

У.М. Теккерей синтезирует компоненты рождественского рассказа с элементами сатирической пародии и фольклорной сказки. Примечательно, что писатель выбирает фольклорный жанр сказки, несвойственный его реалистической манере повествования. Нам

представляется, что писателя привлекли новые художественные возможности, которые открывал этот жанр. Продолжая развивать типичные для реалистического творчества темы, Теккерей соединяет их с романтическими сказочными мотивами, при этом далеко отходя от строгой структуры народной сказки. За счет иронического, пародийного переосмысления всего происходящего в произведении он снижает и отчасти разрушает сказочные традиции.

Особую роль в становлении рождественской прозы сыграл английский писатель У.У. Коллинз, являвшийся ярким представителем «сенсационного» романа в Англии второй половины XIX в. Он сломал литературные каноны не только классического детектива А. Конан-Дойла, но и рождественского жанра.

Коллинза привлекало все, что выходило за рамки обыденного и естественного, поэтому неудивительно, что он увлекся историями с привидениями, которые публиковал в журналах своего старшего друга и соавтора Ч. Диккенса («Круглый год» и «Домашнее чтение»). Отличительными чертами коллинзовских рождественских рассказов являлись неожиданность сюжета, а также наличие не столько сверхъестественного, сколько таинственного плана. Тайна в произведениях У.У. Коллинза становится центробежной силой, динамично раскручивающей сюжет.

Таким образом, английская литература первой в Европе освоила и популяризовала жанровую форму рождественского рассказа, в котором были синтезированы фольклорные, традиционные литературные компоненты и художественные новации. Образцы рождественской прозы, представленные английскими писателями Ч. Диккенсом, У.М. Теккереем и У.У. Коллинзом, оказали значительное влияние на формирование рождественских жанров в других национальных литературах.

В русской литературе тема Рождества возникла в 1840-е гг. Было бы несправедливо утверждать, что рождественский жанр был полностью заимствован из западноевропейской литературы XIX в. и до появления рождественских повестей Ч. Диккенса в России не существовало подобной жанровой формы. Литературный аналог был, но в ином инварианте, обусловленном религиозными и национальными традициями и ментальностью, и назывался он «святочным рассказом». Вопрос терминологии требует уточнения, т. к. при внимательном рассмотрении выявляются специфические национальные черты русской жанровой формы. Исследованиями этой проблемы занимались Е.В. Душечкина, Е.С. Безбородина, Г. Козлова и др.

Выявляя векторы сближений и расхождений между святочными и рождественскими историями, Е.С. Безбородина отмечает наличие обеих жанровых разновидностей и в западноевропейской, и в русской литературах. Г. Козлова представляет классификацию общих типологических признаков святочного и рождественского рассказов.

Очевидно, что выявление инвариантной специфики жанровых форм святочного и рождественского рассказов возможно лишь в контексте истории развития русской и западной словесности. Как известно, западная жанровая форма «рождественский рассказ» генетически восходит к мистериям, мираклям, мифу и фольклору. «Святочный рассказ» – к пасхальной проповеди, народным святочным ритуалам и к фольклору. В целом можно прийти к следующему обобщению: тематический уровень жанра рождественского рассказа в западной литературе обусловлен средневековым сознанием, находящимся под влиянием карнавальской культуры, а жанровая модификация святочного рассказа в России по тематике больше ориентирована на ритуальное колядование в Святки.

В результате обзорного сравнительно-сопоставительного анализа генезиса рождественского западного рассказа и русского святочного можно выявить значительное число сходств в тематике, образной системе, генезисе жанровых форм, идейном и художественном уровне, в структуре и сюжетном построении. По нашему мнению, определения «рождественский» и «святочный» рассказы обозначают генетически сходные жанровые формы, но при этом следует отметить концептуальные различия на философско-идейном уровне. Здесь мы считаем возможным согласиться с мнениями Г. Козловой, Е.С. Безбородиной, И.А. Есаулова, С.С. Аверинцева о наличии существенных отличий в

идейно-онтологической основе рождественского и святочного рассказов, обусловленных религиозными и ментальными отличиями празднования Рождества в Европе и Святки в России. На наш взгляд, рождественскую и святочную формы следует рассматривать в качестве инвариантов календарной литературы, но не смешивать и не трактовать эти определения синонимично. В контексте нашего исследования мы выделяем ряд прецедентных текстов русской литературы, в которых выявляется связь с западной традицией, и рассматриваем их в качестве жанровой формы рождественского рассказа.

К моменту расцвета русского святочного рассказа в XIX веке во многих городах России под влиянием западноевропейской традиции уже сложились обычаи празднования Рождества. В привилегированных слоях русского общества проходили костюмированные балы и маскарады, а русский народ отмечал Рождество согласно давним языческим обрядам, в традициях святочной стихии, которая выражалась в трех основных формах – ряженьи, гадании и колядовании. Неотъемлемой частью рождественской ночи были посиделки, на которых рассказывали «истории о нечистых силах», выделившиеся в жанр устного поэтического творчества – «былички». Именно они стали фольклорным источником рождественского жанра.

Важной особенностью русского святочного рассказа является присутствие в нем разнообразных повествований, своими корнями связанных с народными святочными историями. Однако фольклорный святочный рассказ отличается от литературного его меньший объем, адресация к носителям русской традиции, отсутствие комментариев и детального описания портретов, характеров и поступков героев, а также отсутствие экспозиции.

Жанр святочного рассказа не был распространен в русской литературе до тех пор, пока в 1840-е гг. не стали переводиться и публиковаться рождественские повести Ч. Диккенса из журналов «Круглый год» и «Домашнее чтение». Вместе с тем, существует мнение, что появление русской рождественской прозы стимулировали и другие популярные произведения, как, например, «Щелкунчик» (1816) и «Повелитель блох» (1821-1822) немецкого романтика Э.Т.А. Гофмана, а также сказки датского писателя Г.-Х. Андерсена «Елка» (1844) и «Маленькая продавщица спичек» (1845).

Несомненно, что наибольшее влияние на расцвет русской рождественской прозы оказали именно рассказы Диккенса. Русские писатели XIX века – Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.С. Лесков, Ф.М. Достоевский и Д.В. Григорович и др. – не только восторженно приняли рождественскую философию Диккенса, но и углубили, дополнили ее национальными традициями. В результате такого культурного освоения рождественский жанр получил развитие в России, обретя национальную жанровую форму и новые интерпретации, но, несомненно, на основе святочного рассказа. В русскую литературу перебрали не только основные идеи Рождества – единение семьи и свершение чуда, но в ней также появились мотивы евангельских притч: «искупительной жертвы», «всепрощения», «примирения», «раскаяния» и, наряду с этим, – мотивы разлуки людей в период Рождества, встречи человека с нечистой силой и др.

Здесь следует отметить, что мотив разлуки и сюжеты с не свершившимся чудом на праздник Рождества получили широкое распространение именно в русской литературе. Это связано с традициями критического реализма, которые доминировали над рождественской философией, контрастируя с основными идеями рождественского праздника.

Итак, при всей сюжетно-композиционной, образной и генетической схожести, русский святочный / рождественский текст представляет собой инвариант, национальную модификацию исследуемой жанровой формы, специфика которого объясняется особенностями национального сознания и менталитета и доминирующими в этот период тенденциями литературного процесса.

Вторая глава диссертации «Особенности поэтики рождественской прозы (на материале английской литературы XIX в.)», включающая три параграфа, посвящена анализу рецепции рождественской традиции в малых жанрах, исследованию типологии рождественских образов и сюжетно-композиционных компонентов в «Рождественских

повестях» Ч. Диккенса и интерпретации рождественской поэтики в текстах У.У. Коллинза и У.М. Теккерея. Также рассматриваются теоретические подходы к исследованию художественного феномена литературного архетипа, анализируется смысловая и структурная роль архетипа в английской рождественской прозе XIX века.

В контексте анализа рецензий литературной рождественской традиции в творчестве Ч. Диккенса следует отметить, что еще до его рождественских произведений в английской литературе можно выделить несколько жанровых форм, ставших воплощением рождественской тематики в начале XIX века, до появления «Рождественской песни в прозе» Диккенса:

- фольклорные святочные произведения, преимущественно связанные с традицией «историй с привидениями» и бытовавшие как в фольклорной, так и в литературной авторской форме;

- рождественские гимны, возникшие в рамках церковной литературы;

- рождественская пантомима, расцвет которой в Англии пришелся на рубеж XVIII – XIX вв.;

- рождественские очерки, появившиеся еще в эпоху Просвещения в английской журналистике (Д. Аддисон и Р. Стил), в очерках американского романтика В. Ирвинга. Жанр очерка вызвал к жизни и другую художественную форму, ставшую, по сути, дериватом рождественского очерка, – рождественский рассказ. Именно эти две формы стали звеньями в формировании новой жанровой единицы – рождественской повести.

Многообразие жанровых форм – драматических, поэтических и прозаических – говорит о том, что тема Рождества была весьма популярна в англоязычной литературе еще до Ч. Диккенса. В 1830-е годы в Англии был издан ряд сборников, освещающих рождественскую тематику. В 1833 году У. Сэнди издает первую фундаментальную антологию «Собрание рождественских гимнов, старых и новых». В 1837 г. публикуется «Книга Рождества» Д. Сеймура и Т.К. Хэрви, в которой читатели в иллюстративной форме знакомятся с разнообразными традициями и ритуалами празднования Рождества. Традиция создания рождественских произведений существовала в творчестве англоязычных романтиков – В. Ирвинга и В. Скотта.

Произведения американского писателя-романтика В. Ирвинга послужили стимулом для создания рождественской прозы Ч. Диккенса. Для Ирвинга, как и для английского романтика В. Скотта, английское Рождество становится поводом для актуализации идей патриархальности, нравственного превосходства деревенской жизни над городской. По его мнению, настоящий дух Рождества был присущ только сельским жителям, в жизни которых он находит искренние чувства и подлинную поэзию. Именно поэтому противопоставление города и деревни, даже в контексте рождественской тематики, приобретает в художественной идеологии В. Ирвинга особое значение.

Вместе с тем, особенное влияние на поэтику рождественского текста Диккенса оказали следующие литературные формы: фольклорные святочные произведения, рождественская пантомима, рождественские гимны, что следует отнести к «генетической памяти» жанра, дающей писателю возможности литературной игры.

Интерес Ч. Диккенса к теме Рождества проявился уже в «Очерках Боза» в главе «Рождественский обед» (1835). Начиная с этого очерка, Диккенс превращается для англичан, по определению У.М. Теккерея, в «главного рождественского церемониймейстера». Рождественская тематика получает развитие в диккенсовском романе «Посмертные записки Пиквикского клуба». В главе XXVIII «Веселая рождественская глава» изображается празднование Рождества в сельской местности. Под воздействием эстетики романтизма с ее вниманием к национальному колориту, фольклору и обрядовой стороне празднеств, Диккенс создает идеал «веселого Рождества», который был неразрывно связан со специфическим топосом – “*old merry England*”, воплощением которого являлась деревня. В главе XXIX этого же романа – «Рассказ о том, как подземные духи похитили пономаря» – Диккенс

обратился к традиционному для “*ghost stories*” сюжетному мотиву – непременно встрече героя с духами, благодаря вмешательству которых происходит его последующее исправление.

Жанрообразующим фактором для «историй с привидениями» является строго обусловленный содержанием хронотоп: место действия – кладбище, время действия – ночь. Пересечение рождественских произведений с “*ghost stories*” вполне логично и закономерно. С одной стороны, точкой пересечения является мотив появления сверхъестественных существ (духов, привидений и т. п.) именно ночью, т. к. это время традиционно в сознании людей воспринимается как отданное во власть inferнальных сил. С другой – тематика рождественских историй (Святки и Рождество) также повлияла на создание специфического хронотопа: в рождественских текстах ночь обладает ярко выраженной модальностью. В это время суток может случиться и чудо, и самые страшные события, объяснимые только при помощи иррациональной образности.

К началу 1840-х гг. Диккенс выходит за рамки яркого и красочного изображения Рождества. Успех рождественской прозы в мировой литературе был инициирован первой повестью диккенсовского цикла – «Рождественская песня в прозе» (“*Christmas Carol in Prose*”, 1843). Исследователи называют данный текст прецедентным как в рамках цикла, так и для жанра в целом. Значение «Песни» в контексте развития литературных жанров заключается в том, что в ней в концентрированном виде воплощаются все художественные и идейно-эстетические установки рождественского жанра.

Характеризуя жанровую специфику первой повести рождественского цикла “*Christmas Carol in Prose*”, Диккенс употребляет в качестве синонимов ряд литературоведческих дефиниций. В русскоязычных переводах используются три названия произведения – «Рождественская песнь», «Рождественский гимн в прозе», «Рождественская песня». Все они являются жанровыми определениями произведений, имеющих песенную природу, – песнь, гимн, песня. Эти варианты не вполне адекватны оригинальному названию, так как в них теряется указание на конкретный жанр.

В английской литературоведческой теории определения “*song*”, “*hymn*”, “*carol*” применяли к различным, хотя и относящимся к песенной форме, жанрам. Но между ними отмечались весьма значимые различия. Жанр, характеризуемый определением “*song*”, был нейтральным стилистически и имел универсальное содержание. Гимном – “*hymn*” – называли торжественное, несущее возвышенную идею и имеющее культовый, религиозно-традиционный характер, произведение. Жанр “*carol*” – это именно рождественский жанр, уникальность которого обусловлена литературным содержанием и еще более очевидна в сопоставлении с гимном.

Специфика жанра “*carol*” объясняет присутствие еще одной авторской жанровой характеристики: в подзаголовке повесть идентифицируется в качестве “*a ghost story of Christmas*” – «рождественской истории с привидениями». Диккенс дает подробное, развернутое определение произведения – «Рождественская песнь в прозе, являющаяся рождественской историей с привидениями». Таким образом «включается» механизм жанровой игры, и игры с читательским восприятием. Писатель словно отсылает своего читателя к множеству литературных и культурологических ассоциаций.

Жанровые каноны “*carol*” Диккенс интерпретирует, начиная повесть не вполне традиционно. Свобода, характерная для “*carol*”, дает автору творческую возможность «карнавализовать» содержание и интонации гимна, приблизив их к песенным, имевшим жизнерадостный и веселый характер.

Прибавление к термину «песнь» уточнения «в прозе» дает возможность Диккенсу в полной мере использовать возможности жанра, а также подчеркивает его инновационность в том плане, что эта жанровая модификация отличается от традиций “*carol*”. Немалые основания для такого нетипичного для рождественской истории зачина дала поэтика «историй с привидениями», в которых смерть нередко изображалась в сниженном, карнавализованном стиле. Таким образом, можно резюмировать, что уже до основного текста при помощи таких структурных элементов, как название и подзаголовки повести,

Диккенс обозначает комплекс наиболее характерных жанровых традиций и мотивов, составляющих художественную специфику произведения. На основании этого утверждения мы считаем справедливым выдвинуть тезис о жанровой полифонии диккенсовской «Рождественской песни в прозе».

Различные явления литературных традиций отчетливо прослеживаются в рождественских текстах Диккенса. Особенное влияние на поэтику его рождественского текста оказали такие литературные формы, как фольклорные святочные произведения, английская пантомима, рождественские гимны. Данные жанры, скорее, можно отнести к «генетической памяти» жанра, дающей писателю возможности литературной игры.

Первая повесть рождественского цикла Ч. Диккенса – «Рождественская песнь в прозе» (1843) – появляется в трудное для Диккенса и для всей Англии кризисное время. В основу цикла автором заложена идея объединения людей, так как Рождество – любимый всеми англичанами праздник, генетически связанный с главными нравственными представлениями и традициями, среди которых особенно важны для писателя в контексте его социальной задачи идеи примирения врагов, прощения обид, достижения мира и согласия между людьми всех общественных классов.

В «Рождественской песне в прозе» представлен переработанный типичный сказочный сюжет о вере людей в чудо во время Рождества. Интересно, что, по мнению писателя, сюжетные коллизии рождественской сказки возвращают читателя к жизни Христа, который, как известно, родился в коровнике. И поэтому, по диккенсовской идее, Рождество – любимый всеми семейный праздник – транслирует идею всеобщего равенства.

В творческом сознании Диккенса формируется целостная концепция «рождественской» философии, ставшая основой его романтического мировосприятия. Сообразно этой философии в рождественских произведениях отражается процесс исправления персонажа через его приобщение к миру добра и веселья, символом которого является Рождество. Диккенс дифференцирует своих героев на положительных и отрицательных исходя из их отношения к Рождеству. Эта художественная манера создания однолинейных образов имеет явно романтические корни. Однако, в отличие от романтиков, Диккенс предполагает возможность перерождения, исправления отрицательного персонажа либо под влиянием доброго отношения окружающих, либо в результате чудесного прозрения.

«Рождественские повести» Ч. Диккенса усилили значение и духовный и нравственный смысл английского Рождества. После «Рождественской песни в прозе», оказавшей самое большое влияние на британскую рождественскую атмосферу, вышли в свет повести «Колокола» (“*The Chimes*”), «Сверчок за очагом» (“*The Cricket on the Hearth*”), «Битва жизни» (“*The Battle of Life*”), «Одержимый, или Сделка с призраком» (“*The Haunted Man and the Ghost’s Bargain*”). Рождественские тексты Диккенса выходили в канун рождественских праздников. История их появления имела социальные предпосылки.

Тематически лишь первый рождественский текст Диккенса был посвящен Рождеству. Второй содержит лишь описания предновогодних событий, в четвертом и пятом празднества Рождества присутствуют только эпизодически, а в «Сверчке за очагом» даже нет упоминания о Святках. Однако, по всеобщему мнению, именно Диккенс «изобрел литературное Рождество», об этом позволяют говорить общий идейный замысел и атмосфера рождественского чуда, объединяющие все произведения рождественского цикла. Диккенс обращается к традиционной форме волшебной сказки, трансформируя и дополняя свой идейный замысел смелым включением в сюжет фольклорных образов эльфов, призраков, фей и духов. Привнесенный в социальные картины бедности и уныния сказочный элемент смягчает жестокую действительность. Автор создает двойственный мир в духе романтической традиции, в котором, как у Гофмана, сказочный мир и реальность, данные в причудливом переплетении, зачастую меняются местами.

Для жанра рождественского рассказа жанрообразующим компонентом является свершение сверхъестественного события, чуда, которое происходит непосредственно при вмешательстве потусторонних сил. Обязательным является присутствие мистических

персонажей – привидений, духов, эльфов и т. д. Не менее важными структурными элементами рождественского и святочного инварианта рассказа считаются отнесенность времени действия к праздничному зимнему циклу (Рождество, Святки, Новый год) и набор устойчивых лейтмотивов, кроме чуда Рождества, это могут быть ритуальные гадания и ряженья, пророческие сновидения. Для завязки действия обязательным является описание в начале текста дисгармонической социальной, природной либо семейной картины (природные катаклизмы, конфликт в человеческих отношениях и др.). Большая часть рождественских историй начинается с описания несчастий персонажей, но в финале рассказа обязательно происходит чудо, которое все исправляет. Этот типичный мотив рождественского текста – противоборство добра зла – обусловлен самой биполярной природой рождественских дней.

Через эстетическое воздействие художественного текста Диккенс пытается способствовать исправлению человеческой натуры. Его критика общественного устройства завуалирована при помощи выбора жанровой формы – рождественской повести, близкой к сказке и предполагающей счастливый финал. Вместе с тем, амбивалентность мировоззрения писателя, отражающаяся и на структуре текста, выражается в его понимании объективной реальности классово дифференцированного общества, в котором невозможны сказочные превращения.

Обобщенно сюжетные модели рождественских текстов Диккенса можно представить в следующих инвариантах:

- в экспозиции сообщается о нравственном пороке или заблуждении героев, которые затем в ходе повествования исправляются (тип модели: вина героя – наказание – искупление);

- представляется история бедной семьи: в качестве содержательного центра («Колокола»), либо фрагментарно («Рождественская песнь в прозе»). Идейная нагрузка концепта «семья» в художественном мире Диккенса однозначна – это ценностный ориентир, приобретающий для людей особое значение в период Рождества. В сюжетах данного типа ярко выражена противопоставленность сцен семейного веселья одинокому и мрачному существованию персонажей-мизантропов (Кречеты – Скрудж, Пирибинглы – Тэкстон).

В истории рождественского жанра ни одно произведение не обошлось без запоминающегося образа злодея/мизантропа. Этот персонаж играет особую роль в структуре текста: чаще всего именно он является центральным героем, и от него зависит развитие действия. Персонаж-мизантроп Диккенса представляет собой гротескный образ. Писатель дает не столько портреты героев указанного типа, сколько создает выразительные маски, по типу масок мистерии или пантомимы.

Литературным антиподом мизантропа в рождественских текстах Диккенса является бедный чудаки, который впоследствии становится его излюбленным типажом. Чудаки всегда принадлежат к бедному сословию, но при этом обязательно имеют семью и дом. Им присущи доброта, искренность, благородство, наивность и добродушие (Боб Крэтчит («Рождественская песнь в прозе»), Тоби Вэк («Колокола»), Джон Пирибингл («Сверчок за очагом»), Калев Пламмер («Сверчок за очагом») и др.).

По сути, конфликт диккенсовских мизантропов и чудаков представляет собой конфликт между богатством и бедностью. В рамках рождественского текста он, в отличие от других художественных концепций, например, реализма, имеет возможность благоприятного разрешения.

В типологии героев рождественских текстов Диккенса особое место занимают образы отцов и детей. Героями-отцами могут оказаться и мизантропы, и бедные чудаки. В данном случае здесь важно не социальное положение, а их отношение к отцовству. По этому принципу в «Рождественских повестях» Диккенса героев-отцов можно разделить на две типа: «*изначальные*» отцы (Боб Крэтчит, Джон Пирибингл, Калев Пламмер, Тоби Вэк, доктор Дждлер) и «*новообращенные*» отцы (Скрудж, Рэдлоу). Первую группу представляют персонажи, изначально имеющие семью и детей, а вторую – герои, которые, пережив

нравственную метаморфозу, осознают ценность семейных уз и становятся благодетелями для чужих детей.

Мотив «отцовства» присутствовал и в английских фольклорных пьесах, ставших одним из литературных источников рождественского жанра. В целом для рождественского текста образ отца является генетически закрепленным, он ассоциативно связывает художественный текст с изначально религиозным смыслом праздника. Кроме этого, в рождественских рассказах приобретают важнейшие смысловые коннотации и архетипический характер сюжетные мотивы, связанные с детьми.

Одним из сподвижников Диккенса в производстве журнальных рождественских выпусков был У.У. Коллинз. Отдавая дань традиции английской рождественской прозы, он писал не столько в жанре рождественской истории, сколько в жанре рассказа вообще. Будучи религиозным скептиком, Коллинз не любил праздник Рождества и считал его временем лени, древоугодия и застоя в делах. Однако, несмотря на такое скептическое отношение, он, как писатель, осознавал важность рождественских праздников для людей и всегда соблюдал английскую традицию празднования Рождества. Свой бытовой негативизм в отношении Рождества У.У. Коллинз не перенес в свои «рождественские» произведения, а, напротив, в традициях Диккенса прославлял Рождество как праздник добрых чувств и равенства, благожелательности и прощения всех обид.

С 1851 по 1861 год У.У. Коллинз ежегодно писал рождественские истории для диккенсовского журнала «Круглый год». Среди них были рассказы «Украденная маска» (*“The Stolen Mask; or The Mysterious Cash-box”*, 1851), «Колесо Фортуны» (*“Fatal Fortune”*, 1855), «Роковая колыбель» (*“The Fatal Cradle”*, 1861) и др. В 1867 г. в соавторстве с Диккенсом он создал рождественскую пьесу «Нет проезда» (*“The Thoroughfare”*). В 1876 – 1887 гг. У. Коллинз ежегодно публиковал рассказы в рождественских выпусках журнала «Дух времени» (*“Spirit of the Times”*) – «Женщина из сна» (*“The Dream Woman”*, 1859), «Последняя любовь капитана» (*“The Captain's Last Love”*, 1876), «Очки дьявола» (*“The Devil's Spectacles”*, 1879), «Как я вышла за него замуж» (*“How I married Him”*, 1881), «Она любит и обманывает» (*“She loves and Lies”*, 1883), «Девушка у ворот» (*“The Girl at the Gate”*, 1884) и др.

Объем рождественских произведений У.У. Коллинза был широк, но их сюжеты не всегда были связаны с Рождеством. Писатель лишь создавал интересные и занимательные истории для семейного чтения, иногда включая в них всеми любимые рождественские темы и знакомую читателю систему персонажей.

В рождественских рассказах У.У. Коллинза можно выделить две основные модели сюжетов, которые можно назвать социальными. Первая модель основывается на теме победы добра над злом, когда главный герой, справляется со всеми трудностями, проходит через испытания, а в финале получает заслуженную награду. Вторая модель сюжета содержит в своей основе историю бедной семьи, обретшей на Рождество счастье и богатого покровителя, или получившей какой-то чудесный подарок судьбы. Этот сюжет представлен в первом рождественском произведении Коллинза «Украденная маска, или Шкатулка мистера Рея» (*“The Stolen Mask; or Mr. Wray's Cash Box”*, 1851), написанном в жанровом инварианте «истории у рождественского камина». Это единственный его рождественский рассказ, полностью посвященный Рождеству и содержащий все обязательные элементы рождественского жанра: приуроченность к Рождеству, свершение чуда, наличие тайны, элементы сказки, присутствие в рассказе мифических существ и т. д.

Что касается других рождественских рассказов У.У. Коллинза, то они несколько отличны от общепринятого понятия «рождественская история». Последующие за «Украденной маской» его рождественские тексты лишь частично содержат элементы жанра, хотя и издавались в рождественских номерах журналов. Сюжеты этих произведений относятся к первой модели. Как мы уже отмечали, отношение к Рождеству у Коллинза не совпадает с его традиционным общественным восприятием. Соответственно, его рождественские рассказы также отличны от общепризнанных образцов, хотя сохраняют

основные идеи и элементы рождественского жанра. Так, к примеру, традиционный мотив рождественского рассказа – борьба добра и зла, предполагающий счастливый конец истории, знаменуемый победой добра над злом, – у Коллинза несколько модифицирован. Победа добра транслируется через мотив раскрытия тайны преступления и последующего возмездия.

Неординарность творческой манеры У.У. Коллинза, его своеобразное, не схожее со взглядами большинства викторианцев восприятие Рождества, повлияли на характер его интерпретации рождественских историй. В своих коротких рассказах, приуроченных к Рождеству, писатель сумел проявить свой оригинальный художественный стиль, свою творческую индивидуальность, соединив несоединимое – детектив и сказку, современный роман и фольклор.

Роль У.М. Теккерея в истории развития рождественского жанра и его художественный талант не позволяют оставить без внимания его рождественские тексты, которые, по сути, являются талантливыми пародиями на эту литературную форму. «Рождественские книги» У.М. Теккерея, отсылающие к диккенсовскому литературному прототипу, неоднородны по жанру. По мнению Е.Ю. Гениевой, они «...представляют собой любопытный гибрид, получившийся от скрещивания французского нравоописательного очерка с диккенсовским рождественским повествованием».

Жанр рождественской истории не соответствовал литературным взглядам Теккерея и его мировоззрению, тем не менее, получил в его творчестве определенный отклик, в частности, в повести «Кольцо и Роза», где ощущается влияние фольклорной волшебной сказки, и в пародии на текст Диккенса «Сверчок за очагом», в которой, несмотря на пародийное содержание, выдерживается атрибутика рождественского рассказа.

Писатель трансформирует привычную композиционную структуру сказки, придавая ей особую сценичность, что заметно выделяет «Кольцо и розу» среди других литературных сказок этого периода. Структура сказки Теккерея представляет собой отдельные сцены, персонажи которых вступают между собой в диалоги. В итоге авторского иронического осмысления сюжетного действия все происходящее в сказке – волшебные поступки героев, описание сказочных предметов и сам сказочный элемент – приобретает пародийный характер. В рождественском рассказе «Кольцо и роза» У.М. Теккерей в первую очередь применяет классические приемы сатирической пародии, т. е. подвергает осмеянию идейную сущность ряда популярных текстов. При этом писатель использует юмористические элементы, комически подражает оригиналу.

В рождественских текстах можно выделить базовый структурный компонент – архетип. Теория архетипов, сформировавшаяся в концепции К. Юнга и получившая развитие в трудах его последователей, разработана и в психологии, и в литературоведении. По Юнгу, «продуктом» архетипов стала мифология. Ученый выявил ряд основополагающих мифологических архетипов: «матери», «дитя»/«ребенка», «тени», «анимы» («анимуса»), «мудрого старца» («мудрой старухи»).

В качестве образца модели рождественских историй в английской литературе послужили архетипы коллективного бессознательного, общие для каждой национальной культуры и реализующиеся в мифе, и более поздние архетипы, связанные с Рождеством, – рождественские символы и ритуалы.

В английском рождественском рассказе нами выявлены и проанализированы устойчивые архетипы: «рождественское чудо», «сон», «семья», «ребенок», «тень», «смерть», рождественской символики, – а также определен архетипический комплекс, включающий в свою структуру серию архетипических мотивов: «дом», «семейный очаг», «семейный уют», «рождественский стол», «путь, перемещение», «нравственное перерождение» и др.

В третьей главе «Жанровые инварианты и своеобразие поэтики рождественской прозы (на материале русской литературы XIX – нач. XX в.), состоящей из трех параграфов, анализируются жанры святочного и рождественского рассказов в русской прозе XIX – начала XX в., определяются специфические особенности русского инварианта

рождественской прозы в рассказах Н.С. Лескова, исследуются идейно-художественное своеобразие прецедентных текстов русской рождественской прозы и модификации рождественских архетипов и мотивов в русской литературе XIX века.

Формирование жанра русского рождественского рассказа в основном связывают с появлением в начале 1840-х гг. вольного перевода А.С. Хомякова «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса под названием «Светлое Воскресение». В России существовал русский литературный аналог, но в ином варианте, обусловленном религиозными и национальными традициями и ментальностью, и он назывался «святочным рассказом». Вслед за большинством исследователей, подтверждающих существование этого инварианта рождественского рассказа, можно сказать, что первые русские произведения рождественской тематики появляются в середине XIX века (повести К. Баранова «Ночь на Рождество Христово» (1834), Д.В. Григоровича «Зимний вечер» (1835)).

Традиции рождественской прозы получили развитие в творчестве многих русских писателей середины XIX – начала XX века. Общими признаками, позволяющими говорить о типологической принадлежности художественных текстов к рождественской прозе, являются вечные темы милосердия, любви, сострадания, доброты, надежды, являющиеся смысловым и идейным ядром классического рождественского текста. Самыми яркими рождественскими произведениями являются рассказы Л.Н. Андреева «Ангелочек», Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке», А.И. Куприна «Тапер», «Чудесный доктор», Н.Д. Телешова «Ёлка Митрича», А.П. Чехова «Ванька».

На основании идентификационных качеств рождественского жанра в европейской литературе, можно заключить, что в русских «святочных» рассказах не выявляются типологически важные для этой жанровой формы черты. В частности, в основу рождественского рассказа как прецедентной жанровой формы заложена идея чуда как средства исправления мирового зла, социальной несправедливости, либо человеческой натуры, а в святочном рассказе присутствует больше явлений мистики, волшебства, которые иллюстрируют божественную суть Святок как религиозного праздника, но не выполняют спасительной и охранительной функций в качестве сюжетообразующих. На основании этого тезиса мы пришли к выводу о том, что рождественский и святочный рассказы по основному жанровому признаку – необходимость общности идейно-философской направленности – следует рассматривать как инварианты календарной прозы. Мы полагаем, что рождественский рассказ генетически ближе западной литературной традиции, при этом несомненно, что эта форма получила в России национальную интерпретацию.

Лучшие образцы жанра святочного рассказа были созданы русским писателем Н.С. Лесковым, который в 1886 г. пишет целый цикл «Святочные рассказы». Типологические связи и сходство святочной прозы Лескова с диккенсовской традицией достаточно хорошо исследованы, но следует отметить, что русский писатель вносит в разработанный жанр свои элементы сюжетостроения, мировидения, не копируя, а беря за основу английскую форму. В связи с этим надлежит остановиться на проблеме интертекстуальных связей. В частности, у Лескова устойчивый диккенсовский образ богача-мизантропа, представляющего тип «человека меняющегося», под влиянием воздействия (чаще всего inferнальных сил) не столь константен: он появляется лишь в четырех текстах – суровый дядя повествователя в рассказе «Зверь», скряга-отец невесты в «Жемчужном ожерелье», быстрый на расправу дядя в «Маленькой ошибке» и высокомерный глава академии в «Скрытой теплоте». Структура рассказов Лескова во многих базовых опорах отлична от композиционного решения рождественских повестей.

Анализируя художественную специфику святочных рассказов Н.С. Лескова, следует учитывать тот факт, что его творчество претерпевало определенную эволюцию, связанную с усилением в последующий период реалистических тенденций. Именно под их влиянием сюжетная композиция поздних рождественских лесковских текстов трансформируется в показ жизненных реалий. Писатель обращается к историям, происходящим с обычными

людьми, но проблема выбора между добром и злом сохраняется в качестве основного конфликта.

Среди прецедентных текстов русской рождественской прозы особое место занимает рассказ Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке», опубликованный в 1876 г. в журнале «Дневник писателя». Данный текст построен на традиционных канонах жанра рождественской истории. Об этом говорят следующие сюжетные и структурные характеристики: календарная приуроченность (действие происходит в канун Рождества), прямая экспозиция, присутствие автора-рассказчика; главный герой рассказа – обездоленный ребенок; мотив рождественского чуда; поучительный характер, ярко выраженная мораль.

Композиционная структура и образная система рассказа Достоевского соответствуют традиционной жанровой форме, но в нем отмечаются концептуальные трансформации на идейном уровне, которые позволяют его классифицировать как модификацию жанрового прототипа, его национальный инвариант. В рассказе «Мальчик у Христа на елке» явно заострена социальная проблематика, как и у Диккенса, но, в отличие от концепции английского писателя, конфликт не имеет счастливого разрешения. При интерпретации финала рассказа необходимо апеллировать к точке зрения И.А. Есаулова, который в трактовке смерти мальчика опирается на пасхальный архетип. При том, что рождественский рассказ Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» сопровождается значительным «рождественским» разделом «Дневника писателя», т. е. помещается в явный «рождественский» контекст, текст несет очевидный пасхальный смысл.

Наиболее репрезентативной в контексте нашего исследования представляется рождественская новелла Л.Н. Андреева «Ангелочек» (1899). Первоначально может показаться, что Рождество изображается в рассказе правдоподобными и реалистичными красками, при этом атмосфера праздника – нарядная елка и возбужденные в предвкушении чудесного праздника дети – настолько явно перекликается с фрагментами из «Елки в клубе художников...» и «Мальчика у Христа на елке» Ф.М. Достоевского, что наталкивает на мысли о прямой реминисценции. Однако заметен разрыв с рождественской традицией. Реалистическое видение Л.Н. Андреева выражается в отсутствии счастливого финала, рождественского чуда, проявляющееся в традиции мотивом вознаграждения за страдания главного героя и перерождения отрицательных персонажей. Все герои реалистичны, отсутствуют фантастические элементы и мотив вмешательства inferнальных сил.

Генетически связывает с жанром-прототипом рассказ Л.Н. Андреева время действия – Рождество – и структурное противопоставление двух миров – бедных и богатых. Таким образом, можно говорить о типологическом сходстве рождественской прозы и рассказа Л.Н. Андреева «Ангелочек» в основном на уровне хронотопа. Образы детей и «маленького человека» трактуются Андреевым как символы одиночества, сиротства человека и человечества, оставленных Богом. В целом изображение детей и героев из бедных слоев в «Ангелочке» и других рождественских рассказах Андреева не ограничивается типичной для этих жанров и русской реалистической литературы трактовкой. Мы полагаем, что жанровые особенности рождественского рассказа дали возможность писателю выявить глубинные ресурсы человечности в искалеченных жизнью героях, а отход от канонов со всей ясностью показал их богооставленность.

В рассказе А.И. Куприна «Чудесный доктор» (1897) представлена типично рождественская история, которая вписывается в каноны прототипа, в первую очередь, структурным решением и особенностями хронотопа. На этом уровне четко проявляется константная оппозиция мир бедных/мир богатых и устанавливается хронотоп Рождества в большом городе. Следует отметить наличие устойчивых образов – бедняков, обездоленных детей, равнодушных богачей и спасителя/благодетеля, обязательной рождественской атрибутики – праздничного настроения обеспеченных слоев, богатых витрин, подарков.

Не выходит за рамки общей типологически сходной картины и счастливый финал: с помощью благодетеля происходит настоящее чудо – семья выбивается из нужды, побеждает болезни и, более того, обретает финансовую стабильность. Этот мотив, выдержанный в

диккенсовской традиции, выбивается из общего ряда сюжетных решений таких писателей-реалистов, как Н.С. Лесков, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Андреев, сохраняя лишь реалистичность описания.

А.П. Чехов в процессе создания своего инварианта рождественского жанра в первую очередь отказался от чудесного и сверхъестественного в своем первом рождественском рассказе «В рождественскую ночь» (1883). Рассказ «Ванька» (1886), опубликованный им 25 декабря 1886 г. в «Петербургской газете» в разделе «Рождественские рассказы», можно назвать инвариантом рождественского жанра. Ироническое восприятие литературного жанрового канона рождественского рассказа соединилось в творческой концепции писателя со стремлением его обновления. Художественные установки рождественского рассказа предполагают чудо как базовый концептуальный компонент сюжета текста, особую реальность поэтического мира, и описанием этого невозможного, казалось бы, чуда и завершается рассказ «Ванька». Рождественское чудо у Чехова приобретает драматический и даже трагический оттенок.

В структурной основе английского прототипа рождественского произведения находится явление, обусловленное природой Рождества, праздника, давшего название жанру, – чудо. Оно становится константным сюжетным и структурообразующим ядром всех русских текстов, идентифицируемых в качестве рождественской прозы.

К середине XIX века в русской литературе рождественские тексты вырабатывают устойчивые структурные свойства, определенные сюжетным решением, и их выход в свет, как правило, приурочивается к праздничным дням. При этом следует отметить, что в большинстве русских произведений рождественской тематики со всей очевидностью выявляются различные модификации, основанные на специфическом национальном восприятии Рождества в России, особенностях национального сознания и ментальности, в которых немалую роль играют архетипы, в частности христианский и пасхальный.

Модификационность русской рождественской прозы ярче всего проявляется на архетипическом уровне. Одним из важнейших архетипов русского инварианта рождественского рассказа мы считаем образ *праведника*, который, несомненно, связан с архетипом *дом*. Все обездоленные герои рождественских историй мечтают о теплом доме, где их ждут родные люди. Но этот архетип представляется в двух формах – *дом родной* и *дом чужой*.

В прецедентных текстах русской рождественской прозы архетип *ребенок* связан с центральными образами несчастных обездоленных детей. В отличие от английского инварианта, финалы русских рассказов не всегда имеют счастливые завершения, и главные герои – дети – не только не получают вознаграждения за свои страдания в реальной жизни, но даже умирают. Эта трактовка рождественского чуда связана с особенностями развития русского литературного процесса второй половины XIX в., который отличается обнаженной реалистичностью. Образцы английского рождественского рассказа показывают существенное влияние романтической манеры, в то время как русские писатели в этом жанре наибольшее внимание уделили проблемам социальной несправедливости и невозможности их разрешения на данном этапе развития общества.

Трактовка и идейная нагрузка архетипа *рождественского чуда* в английской и русской литературах существенно различаются. В диккенсовской литературной парадигме чудо чаще всего происходит при вмешательстве потусторонних сил. Русская литература, лишенная мистицизма и фантастического элемента, переводит чудо в реальную плоскость: его свершают обычные люди, либо оно происходит во сне персонажа, но также имеет вполне достоверный характер. Важно, что чудо в русском рассказе не выражается в материальном эквиваленте, оно происходит на уровне духовно-нравственного воздействия («Ангелочек», «Мальчик у Христа на елке» и др.).

Рассматривая устойчивые архетипы русского рождественского рассказа, следует выделить образ *окна/витрины*, символизирующий другой мир, зазеркалье, зону, закрытую для несчастных и обездоленных, которые все же пытаются прикоснуться к этому миру,

вглядываясь в него через них. Константными архетипами русского рождественского рассказа становятся символы и атрибуты Рождества: праздничная елка, украшения/игрушки, обильные яства, свечи и т.д. Один из атрибутов – елочный ангелочек – станет чудом для несчастного мальчика, который так похож на него внешне. Архетип *сон* также присутствует в русской рождественской прозе. Его функции рассмотрены нами, в частности, при анализе рассказов «Мальчик у Христа на елке» Ф.М. Достоевского и «Ванька» А.П. Чехова.

Следует подчеркнуть отсутствие в русском инварианте рождественского рассказа образов духов, потусторонних инфернальных сил, фантастики и мистики.

В результате, можно заключить, что система рождественских архетипов в английской и русской литературах имеет сходный характер в различных национальных вариантах, что связано с общечеловеческим восприятием Рождества. Однако под влиянием национальных религиозно-нравственных и ментальных установок архетипы нередко получают различные коннотации.

В Заключении обобщены наиболее значимые результаты проведенного исследования и определяются перспективы будущей работы над проблемой.

Рождественский жанр имеет в европейской литературе давние литературные традиции, идущие от средневековой драмы, соединяющей в себе религиозную идейность и фольклорное начало. Обоснованием данной точки зрения послужили выявленные в ходе данного исследования особенности мифопоэтической картины мира Средневековья и определенная нами специфика художественной реализации категорий времени и пространства в средневековой литературе. По сути, художественный феномен рождественской прозы во многом обусловлен традициями средневековой литургической и полулитургической драмы, наиболее важными из которых в контексте проблематики нашего исследования представляются следующие: в основе сюжетостроения и картины мира лежит миф или ритуал, или их общность, единство – первобытный синкретизм; для картины мира Средневековья характерен специфический хронотоп, продиктованный мифопоэтическим мышлением; константным элементом структуры календарного рассказа является фантастика; в более поздней традиции, в которой медиевисты находят реалистические тенденции, существенное место заняла светская и социальная тематика; появляются персонажи, которые станут типическими для рождественской литературы – черти, шуты (чудаки, неудачники); формируется главная идея рождественской литературы – вера обездоленного человека в обязательное свершение житийного чуда, волшебства, которое и происходит в финале.

Более поздние влияния на формирование поэтики рождественского жанра мы находим в художественных принципах таких драматических жанров городской средневековой литературы, как мистерия, фарс, моралите и миракль.

В плане рассмотрения вопроса о генезисе и фольклорном начале «рождественского» жанра нельзя не отметить роль карнавала и английской рождественской пантомимы, с которой связано развитие жанра очерка (Д. Аддисон и Р. Стил), инициировавшего процесс формирования «рождественского» текста в Англии XVIII – XIX вв. Еще одним источником рождественской литературы является фольклор, в частности, английские волшебные сказки, в которых оформился ряд черт, ставших предметом рецепции у авторов рождественских историй.

В английской прозе XIX века рождественская литература была представлена малыми формами, не имевшими к тому времени четкой жанровой идентификации. На основании приведенных в диссертации мнений и текстологического анализа можно утверждать, что малые жанровые формы английской литературы, определяемые сегодня как «рассказ», вполне могут быть описаны с помощью равнозначно бытовавших в XIX веке определений, т. к. в литературоведении этого периода не существовало строгой иерархии жанровых форм и зачастую сами писатели определяли жанр своего произведения весьма свободно.

Характерными чертами рождественских рассказов Ч. Диккенса становятся: развитие традиций дидактических и нравоописательных текстов английских просветителей и романтиков; отсутствие интереса к вопросам эволюции характера личности на фоне

социального конфликта; статичность характеров; интерес к бытовым деталям; элементы смеховой культуры; открытый финал; традиционная структура классического повествовательного сюжета (отсутствие интриги и острого конфликта). Очевидно, что структура повестей рождественского цикла Ч. Диккенса восходит к традициям фольклорной сказки. Жанровая специфика «Рождественских повестей» Ч. Диккенса, рассматриваемых нами в качестве литературного прототипа рождественской прозы, заключается в ряде основных текстовых феноменов: в центре повествования цикла – совершение рождественского чуда; следование традициям «готического» романа и дидактического и нравоописательного рассказа просветителей и романтиков; комический колорит повествования; интерес к бытовой детали; перерождение характеров; незавершенность и открытость сюжета.

У.М. Теккерей в своих рождественских историях отходит от стандартизированной структуры народных сказок, синтезируя компоненты «рождественского» рассказа с элементами сатирической пародии и фольклорной сказки. Отличительными чертами рождественских текстов У.У. Коллинза становятся неожиданность сюжета, а также наличие не столько сверхъестественного, сколько таинственного плана.

Разумеется, выявление инвариантной специфики жанровых форм святочного и рождественского рассказов возможно лишь в контексте истории развития русской и западной словесности. Как было установлено, западная жанровая форма (рождественский рассказ) генетически восходит к мистериям, мираклям, мифу и фольклору. Святочный рассказ – к пасхальной проповеди, народным святочным ритуалам и фольклору.

В целом можно прийти к следующему обобщению: тематический уровень жанра рождественского рассказа в западной литературе обусловлен средневековым сознанием, находящимся под влиянием карнавальской культуры, а жанровая модификация святочного рассказа в литературе русской по тематике больше ориентирована на ритуальное колядование в Святки.

В результате сравнительно-типологического анализа рождественского английского рассказа и русского святочного можно выявить значительное число пересечений в генезисе, тематике, образной системе, идейном и художественном уровне, в структуре сюжета и др. Таким образом, «рождественский» и «святочный» рассказ обозначают генетически родственные жанровые формы, при этом имеющие концептуальные различия на философско-идейном уровне. Мы определяем, что при всем сюжетно-композиционном, образном и генетическом сходстве, русский святочный / рождественский текст представляет собой инварианты, национальные модификации исследуемой жанровой формы, специфика которых объясняется особенностями национального сознания, менталитета и доминирующими в этот период тенденциями литературного процесса.

Установлено, что русские рождественский и святочный рассказы являются инвариантами календарной прозы. На основании классифицированных нами жанрообразующих признаков рождественского жанра в европейской литературе мы заключаем, что в святочных рассказах не обнаруживаются типологически важные для этой жанровой формы черты. В частности, смысловым центром рождественского рассказа является идея чуда, в святочном рассказе больше присутствуют явления мистики и волшебства, которые иллюстрируют божественную суть Святков как религиозного праздника, но не выполняют «спасительной» и «охранительной» функций в качестве сюжетообразующих. Мы полагаем, что рождественский рассказ генетически ближе западной литературной традиции, при этом, несомненно, что эта форма получила национальную интерпретацию. В качестве прецедентных текстов русской литературы соответственно объекту нашего исследования мы выделяем рассказы Л.Н. Андреева «Ангелочек», Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке», «Тапер», А.И. Куприна «Чудесный доктор», Н.Д. Телешова «Ёлка Митрича», А.П. Чехова «Ванька».

Общеизвестно, что специфической чертой русской культуры является празднование Пасхи. Мы устанавливаем, что в большинстве русских произведений рождественской

тематики со всей очевидностью выявляются различные модификации, основанные на специфическом национальном восприятии истории Рождества в России, особенностях национального сознания и ментальности, в которых немалую роль играют архетипы, в частности христианский / пасхальный (И.А. Есаулов, Т.Н. Козина). Таким образом, можно заключить, что модификационность русской рождественской прозы ярче всего проявляется на архетипическом уровне.

Одним из важнейших архетипов русского инварианта рождественского рассказа мы считаем образ *праведника*, представленный Н.С. Лесковым. В ряду основных архетипов русской рождественской прозы мы также выявили типологически схожие ментальные образы-схемы: архетип «дом», архетип «ребенок», архетип «рождественское чудо», атрибуты Рождества, архетип «сон», образ *окна/витрины*, приобретший функции архетипа в русской прозе. Система рождественских архетипов имеет сходный характер в различных национальных вариантах, что связано с общечеловеческим восприятием Рождества. При этом, опять же, под влиянием национальных религиозно-нравственных и ментальных установок архетипы нередко получают различные коннотации.

В итоге нашего диссертационного исследования мы подтверждаем положения, выдвинутые на защиту, и доказываем, что русский рождественский рассказ является инвариантом календарной прозы, во многом имеющим типологически сходные черты с прототипом – английским рождественским рассказом. Святочный русский рассказ мы выделяем в отдельную инвариантную группу, выявив различия с рождественскими рассказами на концептуальном уровне. Основной тезис нашей работы – о национальном своеобразии жанровых инвариантов и поэтики рождественской прозы получает подтверждение в результате сравнительно-типологического анализа и компаративистского исследования.

Перспективы исследования видятся в дальнейшей разработке вопросов, связанных с изучением жанровых инвариантов и специфики рождественской прозы, а также с дальнейшим исследованием модификаций рождественских архетипов и системы мотивов в английской и русской литературах.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

*Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных
ВАК Минобрнауки России*

1. Меретукова, М.М. Жанровая и художественная специфика «Рождественских повестей» (“Christmas tales”) Ч. Диккенса и английская фольклорная традиция / М.М. Меретукова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Вып. 2. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. – С. 37 – 41 (0,4 п. л.).

2. Меретукова, М.М. Тема Рождества в творчестве Уилки Коллинза / М.М. Меретукова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Вып. 3. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. – С. 44 – 48 (0,4 п. л.).

3. Напцок, Б.Р. Архетип семьи в «Рождественских повестях» (“Christmas Tales”) Ч. Диккенса/ Б.Р. Напцок М.М. Меретукова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Вып. 1 (108). – Майкоп: Изд-во АГУ, 2013. – С. 31 – 35 (0,4 п. л.).

4. Меретукова, М.М. К вопросу о возникновении жанра рождественского рассказа в русской литературе / М.М. Меретукова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Вып. 3. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2014. – С. 112 – 115 (0,3 п. л.).

5. Меретукова, М.М. Жанры рождественского и святочного рассказа в русской прозе XIX – начала XX вв. / М.М. Меретукова Б.Р. Напцок // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». – Вып. 2. —

Майкоп: Изд-во АГУ, 2017. – С. 121-125 (0,4 п.л.)

Публикации в сборниках научных трудов и материалах конференций

6. Меретукова, М.М. Мотив «рождественского сна» в «рождественских повестях» Чарльза Диккенса / М.М. Меретукова // Материалы VII международной научно-практической конференции молодых ученых, посвященной 70-летию Адыгейского государственного университета «Наука. Образование. Молодежь». – Майкоп: Изд-во АГУ. – 2010. – С. 197 – 199 (0,1 п. л.).

7. Меретукова, М.М. Архетип ребенка в рождественских рассказах Чарльза Диккенса / М.М. Меретукова // Шаг в науку. Сборник материалов I Международной научной заочной конференции. – Майкоп: Изд-во ОАО «Полиграф-ЮГ». – 2011. – С. 145 – 147 (0,2 п. л.).

8. Меретукова, М.М. Мотив «холодного сердца» в «Рождественских повестях» Ч. Диккенса / М.М. Меретукова // Материалы VIII международной научно-практической конференции молодых ученых «Наука. Образование. Молодежь». – Майкоп: Изд-во АГУ. – 2011. – С. 335 – 336 (0,1 п. л.).

9. Меретукова, М.М. Сказка как часть английского национального фольклора / М.М. Меретукова // Сборник научных трудов SWorld. По материалам международной научной практической конференции «Научное исследование и их практическое применение. Современное состояние и пути развития 2011». – Одесса: Черноморье. – 2011. – Т. 24. – С. 84 – 86 (0,2 п. л.).

10. Меретукова, М.М. Специфика развития «рождественской» прозы в Англии XIX века. / М.М. Меретукова // Материалы международной научно – практической конференции «Развитие гуманитарных наук». – Познань. – 2012. – Часть 3. – С. 53 – 54 (0,1 п. л.).

11. Меретукова, М.М. Эволюция «рождественского» жанра в европейской и английской литературе: от Средневековья до XIX века. / М.М. Меретукова // Материалы Международной научной конференции «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: генезис и развитие». – Майкоп. – 2012. – С. 46 – 50 (0,4 п. л.).

12. Меретукова, М.М. Понятие литературного архетипа и его развитие в литературе / М.М. Меретукова // Материалы Международной научной конференции «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: генезис и развитие». – Майкоп. – 2013. – С. 102 – 107 (0,4 п. л.).

13. Меретукова, М.М. Литературное влияние У. Коллинза на Ч. Диккенса на материале рассказа «Сестра Роза» и романа «Повесть о двух городах» / М.М. Меретукова // Сборник материалов II Международной научной конференции Шаг в науку. – Кошехабль. – 2014. – С. 29 – 32 (0,3 п. л.).

14. Меретукова, М.М. Проявление традиций празднования Рождества в России в повести Н.В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» / М.М. Меретукова // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции «Образование и наука: современное состояние и перспективы развития». – Тамбов. – 2014. – Ч. 2. – С. 106 – 107 (0,1 п. л.).

15. Меретукова, М.М. Святочный рассказ XIX века. / М.М. Меретукова // Материалы Международной научной конференции «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: генезис и развитие». – Майкоп. – 2014. – С. 69 – 73 (0,4 п. л.).

16. Меретукова, М.М. Влияние «рождественской» пантомимы на формирование «рождественского» жанра / М.М. Меретукова // Материалы Международной научной конференции «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: генезис и развитие-4». – Майкоп. – 2015. – С. 36 – 39 (0,3 п. л.).

17. Меретукова, М.М. Концепция святочного рассказа как жанровой формы Н.С. Лескова / М.М. Меретукова // Сборник международной научно-практической конференция «Литература и искусство нового века: процесс трансформации и преемственность традиций». – Прага. – 2016. – С. 28 – 30 (0,2 п. л.).

18. Меретукова, М.М. Традиции “ghost story” в рождественском жанре (на материале

произведения Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба», XXIX глава). / М.М. Меретукова // Материалы Международной научной конференции «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: генезис и развитие - 5». – Майкоп. – 2016. – С. 61 – 65 (0,4 п. л.).

19. Meretukova, M. Willkie Collins's Influence on Charles Dickens (based on the works of "Little Dorrit" and "Bleak House") / M.Meretukova // International Conference "Science and Practice: a New Level of Integration in the Modern World". – United Kingdom, Sheffield. – 2017. – С. 103 – 107 (0,5 п. л.).